
А. К. Жолковский

ОЧНЫЕ
СТАВКИ
С ВЛАСТИТЕЛЕМ

Статьи
о русской литературе

Москва
2011

С ДУШКОМ

Из заметок о Чехове

Вспоминая Чехова, самые разные авторы отмечают его любовь к высокопарным рассуждениям, каковые он умело приземлял. Д.С. Мережковский:

1

«...Мне все хотелось скорее разрешить вопросы о смысле бытия, о Боге, о вечности. И я предлагал их Чехову, как учителю жизни... Говорю ему, бывало, о "слезинке замученного ребенка", которой нельзя простить, а он... посмотрит на меня своими ... немного холодными, "докторскими" глазами и промолвит:

— А кстати, голубчик... как будете в Москве, ступайте-ка к Тестову, закажите селянку — превосходно готовят — да не забудьте, что к ней большая водка нужна» (*Мережковский* 1991: 49).

Горький — о провинциальных учителях, посещающих Чехова и пыжившихся показать свою образованность.

Впервые: В составе статьи *Les mots: rélité // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка / Под ред. Т.М. Николаева и др. М.: Индрик, 1996. С. 675–686.*

С ДУШКОМ

«Антон Павлович внимательно слушал несладкую речь; в его грустных глазах поблескивала улыбка, вздрагивали морщинки на висках, и вот своим глубоким, мягким, точно матовым голосом он сам начинал говорить простые, ясные, близкие к жизни слова — слова, которые как-то сразу упрощали собеседника: он переставал стараться быть умником, от чего сразу становился и умнее, и интереснее...

Помню, — один учитель... урюмо басом говорил:

— Из подобных впечатлений бытия на протяжении педагогического сезона образуется такой психологический конгломерат, который абсолютно подавляет всякую возможность объективного отношения к окружающему миру ... — А скажите, негромко и ласково спросил Чехов, — кто это в вашем уезде бьет ребят?» («А.П. Чехов»; *Литович* 1986: 441).

Далее Горький приводит еще два аналогичных эпизода: один — с пышно одетыми дамами, притворяющимися, что их интересует политика, но с гораздо большей охотой и эрудицией откликающимися на вопрос Чехова, любят ли они мармелад; другой — с юным прокурором, жадущим обсудить «юридические проблемы» рассказа «Злоумышленник», но подлинный интерес к предмету обнаруживаемым лишь при переводе разговора на темы фотографии. Подытоживая свое впечатление от прокурора, Чехов добавляет: «Прокуроры очень любят удить рыбу. Особенно — ершей!»¹

В области стилиа отмеченное Горьким стремление Чехова «упрощать» выразилось в установке на краткость. Бунину Чехов говорил:

«Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? "Море было большое". И только. По-моему, чудесно».

М.М. Ковалевскому, в ответ на его замечание, что

виденная ими в Риме «довольно пестрая процессия "выкуривания следов карнавала" ...для беллетриста... не лишен[а] некоей прелести; хорошая тема для описания», Чехов сказал: «Нимало... Современный рассказчик принужден был бы удовлетворяться одной фразой: "Глупая глупая процессия"» (М.М. Ковалевский, «Об А.П. Чехове»; *Литович* 1986: 364).

А Станиславский вспоминает, как из «Трех сестер» был выброшен

«великолепный монолог [Андрея] страницы в две» о том, «что такое жена с точки зрения провинциального, опустившегося человека». «Вдруг мы получаем из-за границы записочку... что весь этот монолог надо... заменить... тремя словами: — Жена есть жена!» («А.П. Чехов в Художественном театре»; *Литович* 1986: 396).

Тактично, но без обиняков, рекомендовал Чехов краткость и собратьям по перу.

«Отлично он писал Горькому: “У вас слишком много определенных... понятно, когда я пишу: “Человек сел на траву...” Наоборот, неудобно бочтаемо, если я пишу: “Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжеватой бородкой сел на зеленую, еще не измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь”» (*Бунин* 1988: 191).

Верность чеховской стилизации под Горького бросается в глаза — достаточно сравнить ее с первым абзацем приведенного выше фрагмента об учителях. Горький, конечно, чувствовал это, почему, наверно, и утрировал «вумность» речи учителя, который иначе выглядел бы пародией на него самого. Чувствовал, признавал («О Чехове можно написать много, но необходимо писать о нем очень мелко и четко, чего я не умею»; *Литович* 1986: 455) — и продолжал многословно восхвалять чеховский лаконизм.

Интереснее, впрочем, поймать на противоречии самого Чехова. В гл. 3 «Дамы с собачкой» (1899) Гуров, всерьез затосковавший по Анне Сергеевне, хочет высказать, но вынужден скрывать свои чувства.

«...Приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах... — Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте! Чинovníк сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и осликнул: — Дмитрий Дмитрич! — Что? — А давеча вы были правы: осетрина-то с душиком! Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показали ему унижительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица!»

Гуров, лишь недавно с удовольствием вернувшийся к московским нравам («Уже он мог съесть целую порцию селедки на сковородке» и справедливо отметить несвежесть осетрины), теперь — силой подлинной любви и с благословения автора — поднимается над ними. И однако пошлая реплика об осетрине с душиком, подаваемая ему собеседником, — плоть от плоти собственных чеховских речевых актов с применением селедки, мармелада и ершей.

Попытку связать эти ипостаси Чехова находим в воспоминаниях В.А. Поссе:

«Только любивший человек мог написать “Даму с собачкой”... Чехов сказал мне: — ...Не сразу, а постепенно постигаешь радость общения с любимой женщиной. Это как с хорошим старым вином. Надо к нему привыкнуть, надо долго пить его, чтобы понять его прелесть».

Прекрасна, возвышенна мысль о любви, возрастающей с течением времени, но низменно сравнение женщины с вином... Смешение возвышенного с низменным — пошлость. Пошлость не была чужда Чехову... Если бы в душе Чехова не смешивалось иногда возвышенное с низменным, то он бы этого смешения, этой пошлости не мог бы замечать и в душах других, а замечал он хорошо» (<Воспоминания о Чехове>; *Литович* 1986: 458).

В постклассицистской эстетике смешение возвышенного с низким называется и оценивается иначе, но нерв чеховской амбивалентности нащупан мемуаристом точно.

Другой близкий знакомец Чехова, вспоминая о его любви к покупке домиков и земельных участков, писал:

«И когда я ему говорил, что он тоже свой крыжовник любит, то он смеялся и говорил: “Здесь же крыжовника нет, а миндаль, грецкий орех”. Но его привлекал, конечно, не крыжовник, а свой угол, сад. Он очень любил растения и цветы... И чудный сад... целиком дело его рук» (И.Н. Альтшуллер, «О Чехове»; *Литович* 1986: 541).

Чехов — Гуров? Чехов — пошляк? Чехов — Чимша-Гималайский?

2

В пользу привычно иконописного Чехова противоречие разрешимо, по-видимому, только в том смысле, что абстрактный разговор о любви, Боге, вечности практически невозможен. Отсюда ирония рассказчика «Дамы с собачкой» по адресу как реликвии чинovníка, так и «неопределенных» выпренностей Гурова, и настойчивый акцент на «тайне» в последней главе рассказа. Отсюда и «вишняя» метафора любви, и антиангლოსосское возделывание своего сада.

Согласно Чехову, «духовка» возможна только в ироническом, негативном, апофатическом ключе, в сугубо «бездуховных», материальных, часто кулинарных, формах и через них². Но тогда

не случаен, может быть, «душок», исходящий от осетрины, особенно в свете противопоставления «селянки» речам Мережковско-го о Боге и о карамазовской «слезинке замученного ребенка» (и в свете «рыбных»/«рыбачьих» коннотаций Иисуса и его учеников и «хлебно-винных» – тела Христова). Статьи, одна из программных глав «Братьев Карамазовых», озаглавленная «Глетворный дух» (II, 7, I), посвящена проблеме «проволявшего», но не утра-тившего в глазах рассказчика своей святости старца Зосимы (ср. еще соображения Рогожина в финале «Идиота» о том, что «душно и дух пойдет» от трупа Настасьи Филипповны). Приглу-шенная аллюзия на подобные хрестоматийные тексты была бы вполне в стиле Чехова.

Мотивный комплекс ДУХ-/ДЫХ- пунктиром проходит че-рез все четыре главы «Дамы с собачкой».

«Говорили о том, как душно после жаркого дня» (гл. 1); «В ком-натах было душно, а на улицах вихрем носилась пыль»; «У нее в номере было душно, пахло духами»; «было видно, что у нее нехорошо на душе»; «на набережной не было ни души» (2); «Дома в Москве... дышитесь мяг-ко»; «Она по вечерам глядела на него из книжного шкапа, из каминя, из угла, он слышал ее дыхание»; «осетрина-то с душком» (3); «вот он идет на свидание, и ни одна живая душа не знает об этом» (4).

Хотя в отличие от знаменитого бунинского рассказа «ды-хательный» мотив здесь не вынесен в заголовок, он тонко вторит ходу сюжета: «духота» и «духи» постепенно сменяются «дыха-нием» и «живой душой» (последней – в характерном модусе от-рипания). Осетринный «душок» служит в этой композиции низ-шей точкой, предшествующей скромному финальному подъему. Подобная ажурная работа с «духовкой», впрочем, не удивительна у создателя героини по прозвищу Душечка, чьей «душой» так вос-хищался Толстой, а важнейшими агрибутами были «полные розо-вые щеки» и «полные здоровые плечи» («Душечка», 1899).

«Еще учил он, чтобы писатель оставался равнодушен... Нуж-но стоять вне этих вещей [реалий] и хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз. И выйдет верно» (А.И. Куприн, «Памяти Чехова»; *Литович* 1986: 531).

Чеховскую «теологию повседневноности» ценил Пастернак, причем поздний, «духовный», периода работы над «Доктором Живаго»:

«Показывая на томики собрания сочинений Чехова [Пастернак] оговорился... что все свое богословие он вычитал у Чехова» (*Пастернак* 1989: 588).

Полубовиный «прятки в неизвестности», от имени своего alter ego он писал:

«...Я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую незабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всем этом хорошо разбирались и они, но куда им до таких нескромностей... Гоголь, Толстой, Достоевский готовились к смерти, беспокоились, искали смыс-ла, подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частно-стями... и теперь эта частность оказывается общим делом ... наливаясь все большею сладостью и смыслом» («Доктор Живаго»; IX, 7)².

Кстати, поскольку речь зашла о сравнительной духовности Толстого и Чехова, закончим их воображаемой беседой на эти темы – в представлении современного нам поэта:

Если правда, что Чехов с Толстым говорили впервые в пруду
... «Ваш рассказ» – и нырок – «про жену и другой,
Про собаку» – нырок – «хороши, а досадно чуть-чуть,
Что нет общей идеи...» – «Простите, вам слепень на грудь
Собирается сесть...» и так далее. Мир мелочей,
Перетянутых в галии платыв, палящих лучей,
Золотых головастиков... Бог, разговором задет,
Не уверен, есть общая мысль у него или нет?

А. Кушнер, «Если правда, что Чехов...»

Действительно, при первой встрече, в Ясной Поляне в на-чале августа 1895 г., хозяин сразу повел гостя купаться (*Лажини* 1975: 47–48). Документальных свидетельств о содержании их разговора (и реакциях Бога) нет, но характер разногласий, как из-вестно, был именно таков.

«[Чехов], как Пушкин, – считал Толстой, – двинул вперед форму... Содержания же, как у Пушкина, нет».

А главное, купнировский Чехов верен себе и на «общую идею» отвечает «слепнем», как если бы перед ним был не великий Учитель, а один из занудных сельских учителей.

¹⁷ Ср.: «Оригинальный тип связи находим... в "Фальшивом купоне" Толстого — он основан на циркуляции денежного знака, легко проникающего в любые слои общества» (Щеглов 2008: 155).

К числу горизонтальных репутационных сюжетов можно было бы добавить «Горе от ума» и другие аналогичные, но это отвлекло бы нас далеко в сторону.

¹⁸ Это одна из немногих прямых характеристик в описании отдельных персонажей (гл. 5).

¹⁹ По мнению Маклейна (McLean 1977: 470), добавление сцены с владыкой неограничено и является единственным художественным просчетом Лескова в ЧНЧ. Напротив, О'Тул (O'Toole 1982: 16 сл.) видит здесь интересное развитие сюжета, который иначе остался бы «наивным» и «чисто механическим».

²⁰ О внимании Лескова, особенно в поздние годы жизни, к происхождению и смыслу христианских праздников свидетельствует цикл его статей «Добавки праздничных историй» (1894–1895) в «Петербургской газете»; статью «Крещение» (от 6 января 1895 г.) см. в (Лесков 2000: 245–247).

²¹ См.: (Беловинский 2003: 375–376 — статья «Крещение Господне»; Лихачева б/д).

²² В некоторых местностях отдельные участники обряда практиковали и реальное погружение в ледяную воду.

Батото 1958 — Батото А.И. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова и др. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 8. С. 565–633.

Беловинский 2003 — Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII — начало XX в. М.: Олма-Пресс, 2003.

Горелов 1994 — Горелов А.А. Лесков // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия. С. 340–349.

Горячкина 1963 — Горячкина М.С. Сатира Лескова. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гроссман 1945 — Гроссман Л.П. Н.С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. М.: ОГИЗ, 1945.

Жолковский 1994 — Жолковский А.К. Морфология и исторические корни «После бала» // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие рассказы. М.: Наука (Восточная литература), 1994. С. 87–102.

Жолковский 2008 — Жолковский А.К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 155–176 (в наст. сб. с. 175–195).

К. К. 1991 [1894] — К. К. [Красуский К.А.]. Инвалиды // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Репринт. М.: Терра, 1991. Т. 25 [1894: Т. XIII]. С. 44–45 ((http://www.infolib.info/sprav/brokgausz/1/1792.html)).

Лесков 1956–1958 — Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова и др. М.: ГИХЛ, 1956–1958.

Лесков 2000 — Лесков Н.С. Неизданный Лесков: Кн. 2 (Литературное наследство, 101, 2) / Отв. ред. К.П. Богавская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблом. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.

Лихачева б/д — Лихачева О. Традиции празднования Крещения в Москве XVII в. и в Санкт-Петербурге XIX в. // http://ricolob.org/history/rp/21/

Щеглов 2008 [1992] — Щеглов Ю.К. К понятию «административного романа» (типологические заметки об «Иване Чонкине» В. Войновича) // Новое литературное обозрение. 2008. № 99. С. 143–155.

McLean 1977 — McLean H. Nikolai Leskov: The Man and His Art. Cambridge, Mass.; L.: M. Harvard UP, 1977.

O'Toole 1982 — O'Toole L.M. Structure, Style and Interpretation in the Russian Short Story. New Haven; L.: M. Yale UP, 1982.

Sperrie 2002 — Sperrie I. The Organic Worldview of Nikolai Leskov. Evanston, Ill.: Northwestern UP, 2002.

Слушком

Из заметок о Чехове (с. 214)

¹ Это обобщение сделано настолько безосновательным образом, что наводит на мысль о каком-то скрытом подтексте, скажем, о неправомерно приговоренном Осетром Ерше Ершовиче. Однако для Чехова характерны подобные нарочито абсурдные «сверхобобщения» (Берковский 1969: 54) о «сверхзнакомом мире».

² Согласно Н.Я. Берковскому, тема «души, духовной работы» одна из сквозных у Чехова, но «душа» «теплится» (Берковский 1969: 150) в «низких», «бытовых формах» жизни, и «лирическое и прекрасное возможны только в чуть-чуть скептических, даже двусмысленных формах» (Там же: 99).

³ Интерес Пастернака к Чехову отмечает Н.Н. Вильмонт (Вильмонт 1989: 117–134), приписывая заслугу его пробуждения себе.

Берковский 1969 — Берковский Н.Я. Чехов: от рассказов и повестей к драматургии // Берковский Н.Я. Литература и театр: Статьи разных лет. М.: Искусство. С. 48–182.

Бунин 1988 — Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6.

Вильмонт 1989 – *Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Сов. писатель, 1989.

Гитович 1986 – А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Сост. Н.И. Гитович. М.: Худож. лит., 1986.

Лакшин 1975 – *Лакшин В.Я.* Толстой и Чехов. М.: Сов. писатель, 1975.
Мережковский 1991 – *Мережковский Д.С.* Асфodelи и ромашка // Д.С. Мережковский. В тихом омуте. М.: Сов. писатель. 1991. С. 49–56.

Пастернак 1989 – *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989.

«Ахмат» Буннина, или Краткая грамматика желаний (с. 220)

¹ «Отрывки, почти или вовсе лишенные сюжета... содержащие всего несколько строк... Они похожи на заметки из записной книжки, сделанные “для себя”... Читатель может... принять их... за подготовительные наброски... Но если они и интонированы, как наброски... сделанные мимоходом... то это хорошо рассчитанный прием... Много труда должно быть положено на достижение пресловутой легкости» (*Ходасевич* 1996).

Ср. высказывания на эти темы позднего Бунина по воспоминаниям младшей современницы:

«Конечно, Франс своей англичанки не придумал. Где-нибудь встречал он, должно быть, Вернон Ли, именно такой, как на его страницах, она и была. Ее и стилизовать пришлось очень мало. Отвечаю вам за это...

Нет, все, что я пишу, всегда из головы...

– Я читаю “Темные аллеи” лучшим, что я написал... а они, идиоты, считают, что это порнография и к тому же старческое бессильное слабодострастие. Не понимают, фарисеи, что это новое слово в искусстве!..» (*Оддоева* 2001: 188, 197, 200).

² Здесь не исключена опора на известное признание Толстого, приведенное Горьким (в 1919 г.):

«О женщинах он говорит охотно и много, как французский романист, но всегда с тою грубостью русского мужика, которая – раньше – неприятно подавляла меня. Сегодня... он спросил Чехова:

– Вы сильно распутничали в юности?

А.П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л.Н., глядя в море, признался:

– Я был неутомимый...

Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово» (*Максим Горький*, «Лев Толстой. Заметки», гл. XX).

³ Бунинская тропика опирается на характерный синдром русского национально-религиозного (под)сознания – совмещение в образе Богородицы черт реальной матери, Матери Божией, матери сырой земли, матери Церкви, матушки России, боготворенной нации, ее защитницы от чужеземцев и заступницы перед Богом. См.: (*Ранкур-Лаферрьер* 2005: 90–116).

⁴ Интересно, что консуммация не наступает и в вероятном фольклорном подтексте бунинского сюжета:

Ехал на ярмарку Ухарь-купец, Ухарь-купец Молодой молодец... К стыдливой девчонке Купец пристаёт, Манит, целует, За ручку берёт. Стыдно красавице, Стыдно подруг, Рвётся она Из кутческих рук. Красоткина мать Распоротна была, С эдакой просьбой К купцу подошла: «Стой ты, купец, Стой, не бавуй, Девку мою На позор не целуй!» Эх, да купец Как трягнёт серебром: «Нет, так не надо, Другую найдём!»

⁵ Рискованный сексуально-трансгрессивный ореол придается ситуации еще и тем, что реку Угру, через которую осенью 1480 г. так и не решился перейти со своими ордами хан Ахмат, русские стали называть поясом Богоматери.

⁶ Финальная реплика вполне в бунинском духе; ср. его устный рассказ о давнем увлечении женщиной, венчаемый тем же эмоциональным жестом:

«До чего хороша была эта женщина! И как-то... она вечером пришла ко мне в “Лоскутную” [гостиницу]. А я, дурак, в последнюю минуту вдруг чего-то испугался. Жить мне теперь осталось недолго, но я с радостью отдал бы три года жизни, чтобы восстановить этот вечер» (*Бахрах* 2001: 179).

⁷ На реализм призваны работать и народно-диалектные смаги, прочитывающиеся как «пятна» и, согласно Далю, значащие «жар, огонь, пыл, сухость, жар во рту, жажда, слюзы на губах», но не на лбу.

⁸ О стратегической роли *ingrammaticality* в построении и восприятии художественного текста см.: (*Riffaterre* 1978).

Или, в других терминах: «У человека с развитым логическим мышлением ложная аргументация свидетельствует... об искажающем присутствии желаний» (*Russett* 1950: 67).

Или, в еще одной системе понятий: «Психология иконопочитания не требует от верующего исторической осведомленности. Православный христианин вполне может молиться перед той или иной местной иконой, не догадываясь об ее историческом происхождении, иногда он имеет даже вовсе неверное представление об этих аспектах. Например, он верит, что данная икона написана святым Лукой, а это вовсе не обязательно так... Но с точки зрения психологии, проблемы здесь не существует» (*Ранкур-Лаферрьер* 2005: 117).